

Таким образом, русская иконография Алексея Человека Божия начинается с приазовского памятника второй половины XI—начала XII в., столь же древнего, как первый памятник западной иконографии, которым является фреска церкви св. Климента в Риме. Для сравнения следует указать, что древнейшими византийскими изображениями являются левая створка складня X в. из слоновой кости в веронском музее Кастельвеккио⁶⁸ и миниатюры трех рукописей (минейя четья и две псалтыри): 1) № 376 б. синодальной библиотеки, Исторический музей, Москва, XI в., 2) MS. Addit. 19352 Британского музея, Лондон, 1066 г.; 3) Cod. Barb. gr. 372 Ватиканской библиотеки, XI—XII в.⁶⁹

Нередицкая фреска стоит особняком в ряду русской иконографической традиции. Не имея ничего общего с предшествующей приазовской иконкой, она отделена от ближайших последующих памятников длительным отрезком времени. Очевидно, что прежде чем пытаться найти источник новгородской фрески, необходимо понять сюжет конхи жертвенника в целом (рис. 1). Повторяем, что сирийская легенда не содержит эпизода моления св. Алексея иконе «Эдесская богоматерь», его нет и в других известных филологии версиях жития — греческих, русских, западноевропейских. Однако икона «Эдесская богоматерь» существует (рис. 2), хотя и относится к более поздней эпохе, чем житие Алексея Человека Божия, ее датируют IX—XI вв. Нам представляется несомненной ее типологическая близость к римской богородичной иконе конца VIII в. в церкви Санта Мария дель Розарио.⁷⁰ С момента появления иконы «Эдесская богоматерь» считалось, что именно ей поклонялся Алексей Человек Божий в бытность свою в Эдессе. Это придавало ей исключительную ценность как главной святыне церкви св. Алексея в Риме, где она находится по настоящее время. Спас-нередицкая композиция, показывая св. Алексея перед богоматерью как иконой, не может отражать ничего другого как предание об этой иконе. Однако здесь произошла многозначительная подстановка — иконографический тип эдесской богоматери заменен по патристическим мотивам новгородским палладиумом «Богоматерью Знамения».

Новгородское предание приписывает иконе «Богоматерь Знамения» чудо победы над суздальцами в 1169 г., когда икона церкви Спаса на Ильинской улице сама двинулась на стены Новгорода, осажденного войском Андрея Боголюбского. Стрела попала в икону и из очей богоматери пошла слезы. «И разгнеवासя господь на сопротивных, и в той час покры их тма, и начаша друг друга сещи и на смерть предавати».⁷¹ Чудотворная икона написана не ранее XII в.⁷² В честь сотворенного ею знамения новгородцы построили для нее в 1354 г. Знаменскую церковь.⁷³ Икону несколько раз реставрировали. В 1529 г. архиепископ Макарий с постом и молитвою «самоллично поновил изображение и украсил его

⁶⁸ См.: A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII Jhs., 2 Bd. Berlin, 1934, стр. 26, и сл., табл. 11 (8a).

⁶⁹ Архим. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки, ч. I. М., 1894; L. Mariès. L'irruption des saints dans l'illustration du psautier byzantin. — Analecta Bollandiana, t. 68, Bruxelles, 1950, стр. 153 и сл.

⁷⁰ См.: D. Wright. The earliest icons in Rome. — Arts magazine, vol. 38, № 1, New York 1963, стр. 24—31; E. Coche de la Ferté. Premières icônes de la Vierge. — L'Oeil, № 119, Paris, 1964, стр. 2—9.

⁷¹ Памятники старинной русской литературы, вып. I. Под ред. Н. Костомарова, СПб., 1860, стр. 242.

⁷² См.: К. О п а с с х. Ikonen. Berlin. 1961, стр. 352.

⁷³ См.: архим. Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 2. М., 1860, стр. 58—61.